

СОДЕРЖАНИЕ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

Предисловие к первому изданию	5
Предисловие ко второму изданию.	7
Предисловие к третьему изданию	9
Предисловие к четвертому изданию	11
Коза	12
Аполлон и Тамара	41
Мудрость	71
Люди	85
Страшная ночь	134
О чем пел соловей	160
Веселое приключение	188
Сирень цветет	220

МИШЕЛЬ СИНЯГИН

Предисловие	269
М. П. Синягин (Воспоминание о Мишеле Синягине)	272

РАССКАЗЫ (1922-1924)

Фома неверный	337
Последнее Рождество	342

Человеческое достоинство	346
Вор	350
Гришка Жиган	356
Веселая жизнь	363
Последний барин	374
Попугай.	388
Барон Некс	393
Исторический рассказ	398
Рассказ о герое Германской кампании	401
Рассказ о том, как у Семена Семеновича Куручкина ложка пропала	404
Рассказ о том, как Семен Семенович в Лугу ездил.	408

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга, эти сентиментальные повести написаны в самый разгар нэпа и революции.

И читатель, конечно, вправе потребовать от автора настоящего революционного содержания, крупных тем, планетарных заданий и героического пафоса — одним словом, полной и высокой идеологии.

Не желая вводить небогатого покупателя в излишние траты, автор спешит уведомить с глубокой душевной болью, что в этой сентиментальной книге не много будет героического.

Эта книга специально написана о маленьком человеке, об обывателе, во всей его неприглядной красе.

Пушай не ругают автора за выбор такой мелкой темы — такой уж, видимо, мелкий характер у автора. Тут уж ничего не поделаешь. Кому что по силам, кому что дано.

Один писатель широкими мазками набрасывает на огромные полотна всякие эпизоды, другой описывает революцию, третий военные ритуранели, четвертый занят любовными шашнями и проблемами. Автор же, в силу особых сердечных свойств и юмо-

ристических наклонностей, описывает человека — как он живет, чего делает и куда, для примера, стремится.

Автор признает, что в наши бурные годы прямо даже совестно, прямо даже неловко выступать с такими ничтожными идеями, с такими будничными разговорами об отдельном незначительном человеке.

Но критики не должны на этот счет расстраиваться и портить свою драгоценную кровь. Автор и не лезет со своей книгой в ряд остроумных произведений эпохи.

Быть может, поэтому автор и назвал свою книгу сентиментальной.

На общем фоне громадных масштабов и идей эти повести о мелких, слабых людях и обывателях, эта книга о жалкой уходящей жизни действительно, надо полагать, зазвучит для некоторых критиков какой-то визгливой флейтой, какой-то сентиментальной оскорбительной требухой.

Однако ничего не поделаешь. Придется записать так, как с этим обстояло в первые годы революции. Тем более, мы смеем думать, что эти люди, эта вышеуказанная прослойка пока что весьма сильно распространена на свете. В силу чего мы и предлагаем вашему высокому вниманию подобную малогероическую книгу.

А что в этом сочинении бодрости, может быть, кому-нибудь покажется маловато, то это неверно. Бодрость тут есть. Не через край, конечно, но есть. Последние же страницы книги прямо брызжут полным весельем и сердечной радостью.

Март 1927

И. В. Коленкоров

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Ввиду многочисленных запросов, сообщаем, что вышеуказанная подпись И. В. Коленкоров — есть подпись подлинного автора сентиментальных повестей.

Вот краткая биографическая справка о нем.

И. В. Коленкоров — родной брат Ек. Вас. Коленкоровой, тепло и любовно выведенной в повести «Люди» наряду с другими героинями. Он родился в 1882 году в городе Торжке (Тверской губ.), в мелкобуржуазной семье дамского портного. Получил домашнее образование. В молодые годы был пастухом. Потом играл в театре. И наконец мечта его жизни воплотилась в действительность — он стал писать стихи и рассказы.

В настоящее время И. В. Коленкоров, принадлежащий к правому крылу попутчиков, перестраивается и, вероятно, в скором времени займет одно из видных мест среди писателей натуральной школы.

Сентиментальные же повести написаны им под руководством писателя М. М. Зощенко, ведущего

литературный кружок, в котором около пяти лет находился наш славный автор.

И в настоящее время, выпуская эту книгу, Иван Васильевич приносит т. Зощенко свою благодарность и желает ему дальнейшей удачи в многотрудной педагогической деятельности.

Май 1928

К. Ч.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В силу постоянных запросов сообщаем, что роль писателя М. Зощенко в этом труде свелась главным образом к исправлению орфографических ошибок и выравниванию идеологии. Основная же работа принадлежит вышеуказанному автору, И. В. Коленкову. Так что по-настоящему на обложке книги надо было бы поставить фамилию Коленкова. Однако И. В. Коленков, не желая прослыть состоятельным человеком, отказался от этой чести в пользу М. Зощенко. Гонорар же Иван Васильевич получил полностью.

Сообщая об этом, пользуемся случаем сказать, что некоторые сентиментальные нотки, нытье и кое-какое идеологическое шатание в ту и другую сторону следует отнести не к руководителю литкружка, а отчасти к автору, И. В. Коленкову, отчасти же к тем литературным персонажам, которые выведены в этих повестях.

Тут перед вашими глазами пройдет целая галерея уходящих типов.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

В силу прошлых недоразумений писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох.

Неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия — вот чем пришлось наделить нам своего «выдвиженца» И. В. Коленкова. Сам же автор — писатель М. М. Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, — давно перешагнул все это. И в настоящее время он никаких противоречий не имеет. У него на душе полная ясность и розы распускаются. А если в другой раз эти розы вянут и нету настоящего сердечного спокойствия, то совершенно по другим причинам, о которых автор расскажет как-нибудь после.

В данном же случае это есть литературный прием.

И автор умоляет почтеннейшую критику вспомнить об этом замысловатом обстоятельстве, прежде чем замахнуться на беззащитного писателя.

Апрель 1929

Ленинград Мих. Зощенко

КОЗА

1

Без пяти четыре Забежкин сморкался до того громко, что нос у него гудел, как труба иерихонская, а бухгалтер Иван Нажмудинович от испуга вздрагивал, ронял ручку на пол и говорил:

— Ох, Забежкин, Забежкин, нынче сокращение штатов идет, как бы тебе, Забежкин, тово, под сокращение не попасть... Ну куда ты торопишься?

Забежкин прятал платок в карман и тряпочкой начинал обтирать стол и чернильницу.

Двенадцать лет сидел Забежкин за этим столом. Двенадцать лет! Подумать даже страшно, какой это срок не маленький. Ведь если за двенадцать лет пыль, скажем, ни разу со стола не стереть, так, наверное, и чернильницы не видно будет?

В четыре ровно Забежкин двигал нарочно стулом, громко говорил: «Четыре», четыре костяшки отбрасывал на счетах и шел домой. А шел Забежкин всегда по Невскому, хоть там и крюк ему был. И не потому он шел по Невскому, что на какую-нибудь встречу рассчитывал, а так — любопытства ради: все-таки людей разнообразие, и магазины черт зна-

ет какие, да и прочесть смешно, что в каком ресторане люди кушают.

А что до встречи, то бывает, конечно, всякое... Ведь вот, скажем, дойдет Забежкин сейчас до Садовой, а на Садовой, вот там, где черная личность сапоги гуталином чистит, — дама вдруг... Черное платье, вуалька, глаза... И подбежит эта дама к Забежкину... «Ох, скажет, молодой человек, спасите меня, если можете... Ко мне пристают, оскорбляют меня вульгарными словами и даже гнусные предложения делают...» И возьмет Забежкин даму эту под руку, так, касаясь едва, и вместе с тем с необыкновенным рыцарством, и пройдут они мимо оскорбителей презрительно и гордо... А она, оказывается, дочь директора какого-нибудь там треста.

Или еще того проще — старичок. Старичок в высшей степени интеллигентный идет. И падает вдруг. Вообще головокружение. Забежкин к нему... «Ах, ах, где вы живете?» Извозчик... Под ручку... А старичок, комар ему в нос, — американский поданный... «Вот, скажет, вам, Забежкин, триллион рублей...»

Конечно, все это так, вздор, романтизм, бессмысленное мечтание. Да и какой это человек может подойти к Забежкину? Какой это человек может иметь что-либо вообще с Забежкиным? Тоже ведь и наружность многое значит. А у Забежкина и шея тонкая, и все-таки прически никакой нет, и нос загогулиной. Ну, еще нос и шея куда ни шло — природа, а вот прически, верно, никакой нету. Надо будет отрастить в срочном порядке. А то прямо никакого виду.